

Два фронта.

Развози вместе с уполномоченными разных учреждений рождественские подарки солдатам, я посетил передовые расположения наших войск и на правом, и на левом берегу Вислы, т. е. и к северу от Варшавы, «в направлении», и на запад от нее, на берегах Взуры и Равки. Меня при этом поразила рзкая разница в том складе жизни, который сложился на этих двух, столь близких друг от друга, фронтах. В настоящее время это — как бы два мира, мало похожих один на другой.

Нбмцы несколько раз начинали наступление с севера, но каждый раз оказывалось, что их движение было скорей демонстрацией, тбмь серьезной военной пробити по этому пути к Варшавб. При первом энергичном сопротивлении, германскя войска быстро отступила, занятыя города и отступали к границб, довольствуясь тбмь, что сохраняли за собой обладание Млавой и Хершеле. За все время войны в восточных Плонской губернии не произошло ни одного значительного боя, кб котором участвовали бы действительные большия силы и который велся бы с подлинным упорством. Обычно все дбло сводилось к кратковременным наббгам кавалерии и передовых отрядов.

Поэтому Плонскя губерния и порадала от войны гораздо меньше других. В Варшавб мнб пришлось слышать немало рассказов об опустошениях, произведенных нбмцами в окрестностях Цбханова и Праснына. Меня эти рассказы особенно огорчали, так как тб мбета мнб были хорошо знакомы: в августб я совершил довольно продолжительную поббдку по этому району и, благодаря рекомендательным письмам, познакомился со многими мбветными помещиками, в усадьбах у которых находились радужное гостеприимство. Мнб было грустно думать, что сожжены эти старинные уютные помещичьи дома, порублены величальные парки вокруг них, уничтожены оранжереи, конюшни, различные хозяйственные приспособления, на которых их хозяева потратили так много труда... Вернувшись в Плонскую губернию спустя четыре мбснца, я мог с радостью убедиться, что все эти рассказы принадлежали к числу тбхх мбветных преувеличений, которые

создаются потрясенным воображением¹⁾.

Подбжая, например, к Цбханову, я ожидал увидеть только жалкия развалины города. Вместо того предомной была тот же Цбханов, что и осенью, только занесенный снбгом. По-прежнему живоюно высились его старинная башня; по-прежнему стояла на возвышении крбпостца XVII вбка, занятая теперь нашей батареей. Нигдб не было видно разрушенных или сожженных домов; улицы были полны народом; безсчетные еврейские магазины и лавочки бойко торговали. Нбмцы дважды занимали Цбханов, но оба раза — лишь на один день. Они не только ничего не сожгли в городб, но даже не успбли его ограбить. Мало того: пребывали нбмцы послужило городу на пользу: они построили в нем новый мостб и, уходя, не удосужились его разрушить. Теперь весь город пользуется этим нбмцим мостом, значительно сокращающим дорогу.

Подб самым Цбхановом находится сахарный завод, которым завбдует его директор З. У этого З. вб его прекрасном домб, я провел в августб цблны оутки и до сих пор с благодарностью вспоминаю чисто «польское» радушие хозяев. Позднб мнб сообщали (хотя и не «сочевидцы»), что завод был разграблен нбмцами, которые сожгли конюшни, оранжереи и службы, а потом разрушили артиллерийским огнем. Црбхав к Цбханову, я посетил (они были в Варшавб), но их прекрасный домб стоял на своем мбсте со всеми своими пристройками. Нетронутым остался и старинный парк при домб. Старый слуга, узнавший меня, рассказал мнб, что нбмцы действительно были в домб, но ни-

¹⁾ Преувеличения в рассказах «очевидцев» о войнах могли бы составить предмет любопытного психологического исследования. Мнб пришлось слышать рассказы от лиц, которые, судя по всему, стремились добросовестно передать то, что видели собственными глазами, между тбмь как поздне оказывалось, что ни одно слово рассказа не соответствовало действительности. Помню, например, что во время атаки нбмцев на Сохачев я, находясь поблизости, встретился с одним из жителей города, только что ббжавшим из него. Мой собеседник со словами рассказывал мнб, что весь город облит огнем и что цблны улицы разрушены. Однако Сохачев и в настоящее время продолжает существовать, и в нем повредено бомбардировкой лишь нбсколько домов.

чего в нем не тронули, только увели из конюшни пару лошадей, оставив взамен пару своих, измороженных. Что же касается артиллерийского обстрбла, то он велся через домб, и ни один снаряд не причинил ему ни малбшого вреда.

Приблизительно то же приключилось констатировать относительно других усадеб, которые я считал исчезнувшими с лица земли. Они оказывались цблами и в худшем случае — только ограбленными. Кое-что, правда, было сожжено нбмцами и повреждено снарядами. Значительно пострадал Праснынь, подб которым в начале декабря происходил сильный бой. Подб Праснынем было сожжено имбние Обремцова, небольшое, но очень благоустроенное, в котором я также гостил нбкоторое время (оно принадлежало брату г. З.). Но в большинстве случаев нбмцы довольствовались тбмь, что забирали фураж, уводили лошадей и уносили кое-что из цбшных вещей (особенно охотничьи, опасаясь, вброятно, «русских морозов»), но не производили тбхх диких грабежей и опустошений, как вб восточной Польб. Кремб все-таки в них большую часть не было для того времени, так как все их имущество бывало очень кратковременным. Плонск, например, в последний раз был занят всего в течение 24-х часов и притом всего пятьюдесятью прусскими кавалеристами.

Нбмцы ни на каких серьезных предприятиях не отваживаются. То там, то здбсь происходят одбльные бои, иногда кровавые и ожесточенные, но введенные в дбло германскя силы отходят. Сб середины декабря даже такие бои прекратились; нбмцы довольствуются обороной своих позиций и перестрблкой; ружейной и артиллерийской. Но и эта перестрблка ведется довольно вяло, и двб армии, стоящи друг против друга (мбстами между нашими и германскими окопами не болбе 600—500 шагов расстояния), не торопятся с решительными действиями. Рассказывают даже, что между нашими солдатами и нбмцами иногда завязываются полудружественныя сношения, они обмениваются подарками, пересылают друг другу шуточные письма, затбвают соотязания в стрблб и т. п. В самых военных действиях нет той ожесточенности, как на западб: нередко с наших окопов ббвывают видны группы нбмецких солдат и офицеров или, наоборот, наши сол-

даты рискуют идти по открытому мбсту, и это проходит безнаказанно, тогда как в окопах на нашем западном фронтб достаточно выставить руку, чтобы тотчас вызвать непрерывную пальбу по этому мбсту.

Надо добавить, что и условия жизни армии на северо гораздо благоприятнее, чбм на берегах Взуры и Равки. Кое-в-чем край, разумеется, нуждается. Но все-же почти все необходимое можно достать на мбсте по довольно сходным цбнам. Солдаты не страдают от холода и сырости и не только всегда сыты, но до известной степени «фрешуются», покупая себе, например, папиросы, булжи, квас и т. п. Благодаря этому настроение в армии в общем не только бодрое, но даже веселое, и солдаты и офицеры жалуются только на отсутствие серьезных предприятий против неприятеля.

В Цбхановб я бесбдовал с одним из штабных офицеров. Он мнб сказал с уббждением, что... нам вичего не стоило бы очистить от врага всю Плонскую губернию. При желании мы легко могли бы занять все пункты, еще удерживаемые нбмцами, и вытбснить их за нашу бывшую границу.

Занимаемы нами позиции превосходны и почти неприступны; нбтб причиня мбнять их на другия, хотя и расположенны далб к северу, но гораздо менбе сильны, требующи большого напряжения для своей обороны.

При такой общей тактике, состоящей в оборонб «почти неприступных» позиций, при таких относительно удобных условиях жизни дбло нашей армии на северном фронтб может быть названо «легким», насколько вообще может быть «легким» дбло войны. Только не надо забывать, что эта «легкость» требует все-же громадной затраты труда и энергии и связана со множеством лишений и испытаний. Тот же штабной офицер, говоривший мнб о выгоде нашего положения, в то же время сознавался, что ему и его товарищам приходится работать по 16—17 часов в сутки в обыкновенно снаг не болбе 3—4-х часов в ночь... Естественно, что и солдатам приходится выносить труд не меньший, чбм штабным офицерам. Жизнь «легкая» сравнительно с жизнью на других фронтах все-же остается истинным подвигом.

Другия картины встречает наблюдатель на нашем западном фронтб. Здбсь ни относительно, ни условно де-

лзя говорить о «легкости» дбла, возложенного на нашу армию. Напротив, здбсь сосредоточено все что есть в войнах трудного и тяжелого. Край опустошен двукратным нашествием нбмцев, сбжавших все зависящее от них, чтобы ограбить и опустошить страну. На половина, а, вброятно, двб трети жителей ббжало. Во многих деревнях удббло не болбе 5—6 дворов из нбскольких десятков, а иные сожжены дотла, до последней избы (например, деревня Злата, около Новато-Мяста, прежде — обширное село с почти в 100 дворов). В гордах большинство домов забыто досками; магазины закрыты; купить что-либо возможно лишь в Жирардовб связанном желбзной дорогой с Варшавой. Но значительная часть наших позиций расположена вдаль от населенных мбств, подчиняясь прихотливым изменениям течения Взуры и Равки. Войскам приходится ютиться в землянках или проводить ночи под открытым небом. Ожесточение вб борьб с оббих сторонах достигает высшего напряжения. Нбтб и сбзда того сравнительного добродушия, сб каким относятся друг к другу наши солдаты и нбмцы на северо: здбсь это в полном смысле слова враги, ищущие одного: как бы то ни было еспособом уничтожить противника.

Вторичное движение на Варшаву было предпринято нбмцами с лозунгом «Решительная поббда во что бы то ни стало!». После ледяных боев наступило-было нбкоторое затишье, но не надолго. Вб декабрб нбмцы возобновили отчаянные атаки на все наши западные позиции. Во многих мбстах упорный бой длится непрерывно цблны мбснца. Ружейная и артиллерийская перестрблка обычно не молкает круглые сутки. Почти каждую ночь нбмцы пытаются взять наши окопы в штыки, а почти каждый день германскя авиация и аэростаты (нбмцы пользуются здбсь и воздушными шарами) разбрасывают свои бомбы и тучи стрблб. Все дороги, ведущия к позициям, усердно обстрбляются нбмцами перекаленным огнем и стерегутся их аэропланами.

Понятно, что такая обстановка до крайности напрягает нервы. День и ночь кругом звучит пальба и трещат выстрблы; день и ночь поблизости рвется шрапнель и падают снаряды тяжелых орудий, образуя ямы шаров в 30—35 в окружности. Спать ложатся, не разбываясь, потому что в любой миг можно ожидать нбмецкой атаки. Постоянно надо быть

на сторожб: достаточно неосторожно выйти на открытое мбсто, достаточно проглядбть приближение «годулы», чтобы стать мишенью стрблбов или бомбометателей. Никто не убврет не только в завтрашнем дне, но даже в сегодняшнем вечерб. Все это несколько возбуждает в душах подлинную ненависть к врагу. Как нбмцы пользуются всякими средствами, чтобы нанести нам вред, так в нашей армии создается какое-то беспощадное отношение к нбмцам. Все чувствуют, что с нами надо бороться «не на жизнь, а на смерть», что, пощадив врага, тбмь самым погубишь себя или товарища.

У северного фронта мбветная жизнь болбе или менбе сохранила свое обычное течение. На западб она совершенно нарушена. Чбм ближе к передовым позициям, тбм чувствительнее это нарушение. Вб городках и деревнях, стоящих непосредственно у «сферы огня», никакой мбветной жизни не осталось: дома пусты, на улицах — одни солдаты, и только робко торгуют двб-три еврейских лавочки, в которых кб тому же почти ничего нельзя достать. Деревни также брошены: жители куда-то ушли, увезя или унеся все наиболее цбнное и бросив остальное на произвол судьбы. Есть деревни, в которых нельзя допроситься глотка воды.

Мнб осталась памятной характерная картина вб поле около деревни Червоная Нива (на запад от мбстечка Гузова), гдб расположены наши окопы. Я шел через поле; сзади кружил нбмецкй аэроплан; впереди вырисовывался контур нбмецкого аэростата, как мнб говорили, ежедневно поднимающегося надб позициями нбмцев. Со стороны окопов слышалась пальба. И вдруг прямо из-под моих ног, вскочила и бросилась ббжать дблая стая зайцев. Поле было совершенно открыто; человеческое жилье было поблизости. И все-же зайцы, повидному, предпочли поселиться на этом полб, чбм жить гд-нибудь в своих логовищах, около которых начали вращаться шрапнели. Вброятно, сб разных лугов собрался трусливые звбрки на это болбе безопасное поле и сжались здбсь в одну кучу, дрожа всбм тблом полб грохот выстрблов... Эти зайцы-ббженцы, это зайце переселение показало мнб символом всей жизни Западного края, нарушенной, потрясенной войной.

Другая картина, вспоминающаяся мнб, — совершенно другого рода. Вб ночь подб Новым годб около той же Червоной

Нивы полковой священник рбшил совершить торжественное богослужение. Единственным подходящим мбстом для того оказался польскй костел, каким-то чудом уцблвший от нбмецких гранат. Храм украсили елками и вбтками сосен, освбтили, насколько могли, восковыми свбчами. Молодичи собралось, конечно, так много, что большинству пришлось стоять за дверями, вокруг стблб. И вот в католическом костелб подб прекращающейся гуль пальбы зазвучали торжественныя слова православных молитвословий. Стекла храма дрожали и звенбли от выстрблов и озарились розоватыми вспышками от разрывов шрапнелей. Но служба была доведена до конца, оставив во всбх присутствовавших глубочайшее впечатление.

Религиозное настроение должно крбпнуть и развиваться при тбхх понятих вб странных условиях жизни, которыми окружена наша армия на западном фронтб. Здбсь приходится развбтаться со всеми обычными навыками жизни; человек здбсь вступает вб сферу совершенно новых, раньше ему неизвестных здбсь становится повседневным; смерть — чбм-то обыкновенным; чудесное — явлением, которое видишь каждый день. Очень вброятно, что позже, когда закончится война, ее участники сами будут изумлены, как у них достало сил и духа, чтобы вынести эту единственную, необычную вб мирб борьбу, и не только вынести, но выносить ее изо дня в день, недблями и мбсяцами...

Бб сожалбнию, мнб не удалось вб последние дни ближе ознакомиться с нашим третьим фронтм, кб югу от Варшавы. Только мельком, в течение нбскольких часов, мнб удалось побывать вб Гройцах. Судя по всему, жизнь армии вб этом районе представляет нбчто среднее между жизнью на северо и на западб. На юг нбтб того ожесточения вб борьб, как на западном фронтб, но меньше и той спокойной убвренности, которая характерна для севера. Впрочем, позиция нашей армии на юг от Варшавы также очень сильна. Из моих ббглых наблюдений у меня сложилось твердое уббждение, что с этой стороны все движения нбмцев обречены на неудачу. Нбмецкй поток встретит мощную плотину, если хлынет на станицу Польши сб юга.

Валерий Брюсов